

ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА ПУШКИНА

1817-1820 годы исследователи называют самым вольнолюбивым периодом в развитии Пушкина. Точнее было бы сказать, что в этот период вольнолюбие поэта слишком явно и неосторожно обнаруживается перед властями. В эти годы появляются самые политически острые стихотворения Пушкина. Его свободолюбие приобретает отчетливо гражданский характер. Не личную свободу, а свободу отечества, общества, мира воспевает теперь поэт: «Хочу воспеть Свободу миру» («Вольность», 1817). Теперь свобода ищется в борьбе с «неправедной Властью».

В эти годы Пушкин сближается с декабристами и испытывает сильное воздействие их идей. Как и они, Пушкин страдает «Под гнетом власти роковой» («К Чаадаеву», 1818). Как и они, Пушкин верит: «Россия вспрянет ото сна, И на обломках самовластья / Напишут наши имена» (там же). Как и они, Пушкин призывает: «Мой друг, отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!» (там же).

Декабристы используют политическую лирику Пушкина в пропагандистских целях. Отдельные пушкинские выражения в составе декабристских прокламаций звучат как призывы к революции:

Тираны мира! Трепещите!

А вы, мужайтесь и внимлите,

Восстаньте, падшие рабы! («Вольность»):

Но революционером Пушкин не был. Как о позиции человека нельзя судить по одному его поступку или высказыванию, так и о содержании стихотворения - по одной или даже нескольким его строкам. Целое больше части. В составе стихотворения «Вольность» (1817) строка, призывающая рабов к восстанию, имеет другой смысл: речь идет не о революционных действиях, а о духовном пробуждении, отказе от рабской психологии, о формировании гражданского самосознания. Пушкин взывает к достоинству и чести тех, кто «пал», опустил, смирился со своим унижением и участью раба. Ср.: «Пока сердца для чести живы» («К Чаадаеву»). «Восстаньте» в контексте «Вольности» значит «Встаньте с колен», а не «Беритесь за оружие». Описание в стихотворении кровавого самосуда дается не как пример для подражания, а как предостережение. Причем предостережение это адресовано как «царям», так и «народам». Казнь короля Людовика XVI во время Французской революции и убийство Павла I в результате дворцового переворота оцениваются как преступление («падет преступная секира»), совершенное против преступника, «самовластительного злодея».

Тирания властей провоцирует жестокость угнетенных («как звери»). В «бесславных ударах» против «увенчанных злодеев» Пушкин видит и «праведный размах». Но, описывая кровавые события недавнего прошлого, он преисполнен ужаса от возможного их повторения в будущем.

Обретение свободы для Пушкина приемлемо только законным путем. Борьбу против власти он считает возможной только в рамках закона, через законодательную деятельность. Ода Вольности является одой и Закону. «С Вольностью святой Законов мощных сочетанье» гарантирует благосостояние и устойчивость общества. Именно слабость закона («Законов гибельный позор») влечет за собой утрату вольности («Неволи немощные слезы»). Как преступление против Закона, как источник трагедии трактуется и деспотизм властителей и революционные выступления народа: «И горе, горе племенам, / Где дремлет он неосторожно, / Где иль народу иль царям / Законом властвовать возможно!».

Объемность пушкинской мысли, охватывающей широкий спектр смыслов, проявляется уже в этом юношеском стихотворении, поражает и дает повод к упрощенным толкованиям тех, кто предпочитает однозначность высказывания. Поэтическое резюме стихотворения – «И горе, горе племенам...» - предлагается как обобщение горького опыта истории. Но в стихотворении есть и строчки, воссоздающие первую эмоциональную реакцию от зрелища казни «злодея». Самовластительный Злодей!

Тебя твой трон я ненавижу,
Твоею погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...

Непросто совместить в сознании эти полюса «горя» и «жестокой радости». Самое страшное в беззаконии то, что оно порождает «жестокую радость» - таков поэтический итог текста, повествующего о кровавой логике восставших, о замкнутом круге преступлений, порождающих друг друга, выход из которого юный Пушкин видит в смирении перед законом, в единстве Закона и Вольности.

Всю жизнь Пушкин с напряженным интересом и сочувствием относился к мятежникам и бунтовщикам, начиная с декабристов и деятелей Французской революции и кончая Пугачевым. Но кровавому самосуду он неизменно противопоставлял «чувства добрые» и «милость к падшим». Все насильственные изменения общества будут вызывать у поэта однозначное отношение: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». По Пушкину, «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества».